

Для этой пленницы, которая умудрялась оставаться в живых, несмотря на бесконечные удары кнутом, даже крепкое телосложение и кое-какие навыки боевых искусств вряд ли стали бы спасением, если бы не лучшие целебные снадобья Дворца Цюньин, которыми Хэ Янься щедро ее снабжала.

Хотя именно Хэ Янься была той, кто превратил ее в подобие кровавого месива, в душе ее не утихал гнев. Но если бы она захотела выплеснуть эту ярость, то адресовать ее следовало бы только самой себе, а направить гнев на себя она не могла. Выражение ее лица постоянно менялось, пугая подчиненных, которые дрожали перед ней, словно птицы, напуганные звоном тетивы. Лишь матушка Ма смотрела на это с едва скрываемой усмешкой, но, не смея рассмеяться в голос, она с трудом сдерживалась, отчего ее лицо застыло в болезненной гримасе.

Заметив состояние Главы дворца, один из подчиненных, дрожа от страха, осмелился спросить:

— Что нам делать с той, что висит здесь?

— Снять ее и отнести обратно, позовите лекаря, пусть займется ее ранами, — в голосе Хэ Янься все еще слышались нотки ярости. Слуги, опасаясь, что любое неверное движение снова выведет госпожу из себя, поспешно сняли Му Цзышань и, позвав на помощь еще двоих, направились к пыточной.

— Стойте!

Звонкий голос Хэ Янься заставил несущих Му Цзышань людей замереть. Они поспешно обернулись, не выпуская носилок, и опустились на колени.

— Какие будут указания, Глава?

— Вы сначала ее... — Хэ Янься осеклась на полуслове. Слуги замерли в мучительном ожидании, не смея ни спросить, ни пошевелиться, пока Глава дворца, словно не желая договаривать, смотрела на них с таким видом, будто намеревалась до смерти напугать их своим молчанием. Наконец она процедила:

— Отнесите ее в мою комнату.

Голос ее был тихим, но все присутствующие расслышали каждое слово. Они застыли в полном недоумении, полагая, что ослышались. Все знали привычки Главы: она никогда не позволяла посторонним заходить в свои покои. Даже самые доверенные главы приказов едва ли видели, как выглядит ее спальня, а любимых наложниц она никогда не оставляла ночевать. А теперь она приказала принести в ее личные покои шпионку, которую два месяца подвергала жестоким пыткам.

Слуги переглянулись, надеясь увидеть в глазах товарищей подтверждение того, что они ошиблись, но в каждом взгляде читалось лишь замешательство. Никто не осмелился

переспросить. Пока они колебались, пытаясь решить, кто из них станет тем несчастным, которому придется уточнять приказ, Глава дворца взорвалась:

— Вы что, оглохли? Я сказала — отнесите ее ко мне в комнату!

От этого окрика их прошибла дрожь. Стало ясно: они расслышали все верно. Задавать вопросы Главе было равносильно тому, чтобы добровольно идти на смерть. Не смея больше медлить, они подхватили Му Цзышань и поспешили к покоям Хэ Янься, боясь, что любое промедление навлечет на них беду.

Лекари, вызванные членами культа, выстроились перед Хэ Янься в ряд, их лица были серыми от страха. Один из них, едва взглянув на Главу дворца, не удержался и вслух восхитился ее красотой — за что тут же был выведен стражей наружу, где ему по приказу разгневанной женщины выкололи глаза.

Остальные лекари опустили головы, не смея поднять глаз, боясь лишиться зрения. Сюда созвали лучших врачей со всей округи, а некоторые члены культа даже отправились в дальний путь, чтобы разыскать прославленных целителей.

— Вы все умеете лечить Семидневный ветер? — холодный голос Хэ Янься донесся из глубины комнаты. Лекари вздрогнули, не зная, что ответить.

— Глава, вы, возможно, не знаете, но Семидневный ветер — это недуг, который считается неизлечимым с древних времен. Если болезнь зашла так далеко, даже божественный лекарь вряд ли сможет помочь, — честно признался один из них. Но правдивость в присутствии Хэ Янься не считалась добродетелью, и в ответ он получил лишь ее ледяной, полный угрозы взгляд.

— Вот как? Если ты не вылечишь ее, то отправишься вслед за ней в загробный мир, чтобы продолжить лечение там. Понял?

Лекарь покрылся холодным потом и принялся уверять, что сделает все возможное. Остальные, понимая, что теперь они связаны одной судьбой, начали наперебой обещать, что приложат все усилия, чтобы вытащить больную даже с того света.

Хэ Янься лишь холодно усмехнулась и вышла из комнаты, оставив врачей и слуг ломать голову над лечением.

Выйдя наружу, она увидела матушку Ма, которая ждала ее у дверей с едва заметной улыбкой. Это выражение лица неприятно кольнуло Хэ Янься, хотя гнева на самую матушку Ма она не

чувствовала.

— В молодости я была очень похожа на тебя, — внезапно произнесла матушка Ма. Хэ Янься растерялась, не понимая, к чему этот разговор, и просто молча слушала.

— В те годы мое имя гремело в цзянху, стоило его произнести, как враги теряли дар речи от страха, — матушка Ма погрузилась в воспоминания, в ее глазах отражались разные чувства, а у Хэ Янься от этих слов дернулся уголок рта.

— Твое имя? Ма Цуйхуа? — честно говоря, это имя совершенно не вязалось с образом Главы приказа Леянь. В культе ее называли исключительно по должности, а Хэ Янься величала ее матушкой Ма — имя было настолько нелепым, что даже она, никогда не стеснявшаяся в выражениях, не могла произнести его вслух.

— Прости, никогда не слышала о такой, — безжалостно прервала она воспоминания. Матушка Ма была окутана тайной, и мало кто знал, что ее настоящее имя — это нелепое Ма Цуйхуа. В те годы она пришла во Дворец Цюньин тяжело раненной, долго лечилась, держалась особняком и была незаметной, пока Хэ Янься не возвысила ее. Многие восхищались проницательностью Главы, сумевшей разглядеть в тени такого мастера.

— Кхм, Глава, вы совсем не щадите мои чувства, — матушка Ма фальшиво кашлянула, но не обиделась. — Конечно, это не мое настоящее имя, просто когда-то сболтнула первое, что пришло в голову, а потом все привыкли.

Хэ Янься не удивилась — в цзянху многие скрывают свои имена. Она знала привычки матушки Ма и не стала расспрашивать.

— Глядя на тебя, я видела себя в молодости... Те же повадки, привычки, та же страсть... — Хэ Янься снова поморщилась. Но видя, с каким воодушевлением говорит старуха, она решила промолчать.

— Я обожала маленьких кроликов. Такие милые, послушные... Но чем больше я что-то любила, тем сильнее мне хотелось это мучить... — Хэ Янься смотрела на гладь озера, и ее взгляд смягчился, в нем промелькнула тоска. Матушка Ма замолчала, глядя на воду.

— А что потом? — наконец спросила Хэ Янься.

— Что потом?

— Что стало с тем кроликом? — Хэ Янься не сводила глаз с водной ряби, словно ища там ответ.

Матушка Ма долго молчала. В ее глазах, обычно полных насмешки, застыла глубокая печаль. Казалось, она видит в воде призрак прошлого, от которого остались лишь увядающие годы.

— Потом кролик умер... И мне стало неинтересно мучить мертвого кролика... — ее взгляд погас, а привычная улыбка исчезла.

В тот день матушка Ма ушла молча, не проронив ни слова. Хэ Янься еще долго стояла у озера, прежде чем вернуться в свои покои.

Лекари составили рецепт, и Хэ Янься приказала немедленно приступить к подготовке, а сама вошла в комнату. Му Цзышань лежала на ее кровати, веки ее подрагивали, а тело сотрясала мелкая дрожь. Хэ Янься коснулась ее щеки — она не чувствовала ожидаемого злорадства, лишь странную тяжесть в груди.

Она взяла нож, раскалила его над жаровней и села рядом с кроватью. Рука не поднималась. Все эти раны — дело ее рук, и от этой мысли внутри закипала противоречивая ярость. Но сейчас она не хотела, чтобы пленница умерла.

Надавив на точки, чтобы Му Цзышань не дергалась от боли, она начала резать. Пленница вскрикнула, ее дыхание стало прерывистым. Хэ Янься, опасаясь, что та не выдержит, сунула свою ладонь ей в рот. Му Цзышань впилась зубами в ее плоть, и вскоре ладонь Хэ Янься окрасилась кровью.

Несмотря на боль, Глава дворца работала быстро и точно. Когда все раны были очищены, она взяла бутылку с крепким вином. Перед тем как лить, она на мгновение замешкалась, но затем решительно опрокинула сосуд. Му Цзышань закричала от невыносимой боли, ее хватка на руке Хэ Янься стала еще сильнее — зубы вонзились до кости.

Закончив, Хэ Янься перевязала ее. Теперь от Му Цзышань осталась видна только голова, остальное тело было скрыто под слоями бинтов. Сама Глава была измотана. Она высвободила израненную руку, на которой остались глубокие следы зубов, и промыла ее остатками вина.

— Считаю, что я тебе задолжала, — прошептала она, глядя на лежащую без сознания женщину. — Я знаю, ты меня ненавидишь. Можешь кусать меня, сколько захочешь.

Она сама не понимала, когда в ней угасло желание противостоять этой женщине. Приказав слугам убрать комнату, она велела принести себе постель и легла спать на кушетке неподалеку.

С того дня Хэ Янься сама промывала раны Му Цзышань и меняла повязки. Это вызывало недоумение у всех обитателей дворца, но никто не смел задавать лишних вопросов. Хэ Янься больше не причиняла ей вреда, а состояние пленницы начало медленно, но верно улучшаться.

<http://bllate.org/book/21760/2250244>